

Schnittke. "The Bureaucrats," from The Gogol Suite.

Alfred Schnittke's caustic "The Bureaucrats," from the Gogol-Suite (1981), picks up the baton right where Shostakovich left it. Schnittke's biting humor fits strikingly well with both the tradition of musical sarcasm paved by the older master and also with his own method of composition known as "polystylism." The pervasive use of quotation, seen in abundance here, is a hallmark of this grotesque-laden style: familiar themes from classics such as Mozart's Overture to *The Magic Flute* and Tchaikovsky's "Dance of the Swans" from *Swan Lake* clash here in a purposefully banal whirlpool of musical ridicule. Schnittke's work can best be understood as a collage rather than an original painting: what matters most is *how* the individual swatches of pre-made sound fabric fit together, and what is done *to* the themes that are so easily recognizable. Distortion is Schnittke's main operative tool: Mozart's theme, originally the joyful opening to the fast section of the overture, appears in the Schnittke *in minor*, multiplying itself over and over again in most uncomfortable of configurations. Likewise, Tchaikovsky's graceful dance is made to sound no less than idiotic, as if underscoring the absence of any imagination and depth in the dead souls of the bureaucrats. It is appropriate, therefore, to sum up the emotional undertones of this music by a quotation—from a monologue that Alexander Grin's character Favorsky utters in drunken stupor: "Vulgarity reigns here, on earth, and in this vulgarity I, a caged lark, am. . . languishing!"

Язвительное сочинение «Бюрократы» из гоголевской Сюиты—это эстафетная палочка, принятая Альфредом Шнитке непосредственно от Шостаковича. Жалящий юмор Шнитке поразительно соответствует как традициям музыкального сарказма, почва для которого была подготовлена более старшим мастером, так и его собственному методу композиции, известному как «полистилизм». Широкое использование цитат, в изобилии рассыпанных здесь, представляет собой фирменный знак его полного гротеска стиля: знакомые темы из классиков—таких, как моцартовская Увертюра из «Волшебной флейты» и «Танец лебедей» Чайковского из «Лебединого озера»—сталкиваются в этом намеренно банальном водовороте музыкальной насмешки. Работа Шнитке может быть лучше всего понята скорее как коллаж, чем как собственная живопись: больше всего важно, *как именно* характерные кусочки готовой звуковой материи подходят друг другу, и *что именно* творится с темами, столь легко узнаваемыми. Искажение и передергивание—это основные ремесленные приемы Шнитке: тема Моцарта, в оригинале—радостное вступление к быстрой части Увертюры, появляется у Шнитке в миноре, повторяясь снова и снова в наиболее тревожной форме. Более того, грациозный танец Чайковского оборачивается чуть ли не идиотическими звуками, подчеркивая тем самым отсутствие какого-либо воображения и глубины в тухлых душах бюрократов. Поэтому здесь уместно суммировать эмоциональный подтекст этой музыки цитатой из монолога Фаворского, одного из героев Александра Грина, бормочущего в пьяном помрачении сознания: «...царит пошлость здесь, на земле, и в пошлости этой я, пленный жаворонок... томлюсь!»